

ENVIRONMENTAL JUSTICE IN CENTRAL ASIAN CITIES: COMPARING TASHKENT WITH OTHER CITIES OF THE REGION

Turon Babarakhimov

Faculty of History

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

turonbabarakhimov@gmail.com

Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: environmental justice, urban anthropology, Central Asia, Tashkent, air pollution, green spaces, Aral Sea, post-Soviet city, citizen science.

Received: 21.06.26

Accepted: 22.06.26

Published: 23.06.26

Abstract: This article offers a social-anthropological analysis of environmental justice in the cities of Central Asia. Drawing on the case of Tashkent in comparison with Almaty, Bishkek and the Aral Sea region (Karakalpakstan), it examines how environmental goods and burdens are distributed among social groups and territories of the post-Soviet space. Applying David Schlosberg's three-pillar model of environmental justice (distributive, procedural and recognition justice) together with the capabilities approach, the author argues that air pollution, the loss of green space and unequal access to a clean environment should be treated not as technical but as structural and political problems. The study concludes that the legacy of Soviet planning, post-Soviet developer-driven urbanisation and the weakness of participatory procedures generate durable forms of environmental inequality, felt most acutely at the periphery - both intra-urban and inter-regional.

MARKAZIY OSIYO SHAHARLARIDA EKOLOGIK ADOLAT: TOSHKENTNI MINTAQANING BOSHQA SHAHARLARI BILAN QIYOSLASH

Turon Babaraximov

Mirzo Ulug'bek nomidagi O'zbekiston Milliy universiteti

Tarix fakulteti

turonbabarakhimov@gmail.com

MAQOLA HAQIDA

Kalit soʻzlar: ekologik adolat, shahar antropologiyasi, Markaziy Osiyo, Toshkent, havo ifloslanishi, yashil hududlar, Orol dengizi, postsovet shahri, fuqarolik ilmi.

Annotatsiya: Maqolada Markaziy Osiyo shaharlaridagi ekologik adolat masalasi ijtimoiy-antropologik nuqtai nazardan tahlil qilinadi. Toshkent misolida hamda Almati, Bishkek va Orolboʻyi (Qoraqalpogʻiston) bilan qiyosan ekologik neʼmatlar va yuklar postsovet makonidagi ijtimoiy guruhlar va hududlar oʻrtasida qanday taqsimlanishi koʻrib chiqiladi. Muallif D. Shlosbergning ekologik adolatning uch tarkibli modeli (taqsimlovchi, protsessual va eʼtirof adolati) hamda imkoniyatlar yondashuviga tayanib, havo ifloslanishi, yashil hududlarning yoʻqolishi va toza muhitga teng boʻlmagan kirish imkoniyatini texnik emas, balki tarkibiy va siyosiy muammo sifatida koʻrsatadi. Sovet rejalashtirish merosi, postsovet quruvchilik urbanizatsiyasi va ishtirok protseduralarining zaifligi barqaror ekologik tengsizlikni keltirib chiqaradi; bu tengsizlik eng kuchli tarzda chekka hududlarda – ham shahar ichida, ham mintaqalararo darajada – namoyon boʻladi, degan xulosaga kelinadi.

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ГОРОДАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ:
СРАВНЕНИЕ ТАШКЕНТА С ДРУГИМИ ГОРОДАМИ РЕГИОНА**

Турон Бабарахимов

Факультет истории

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

turonbabarakhimov@gmail.com

Ташкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: экологическая справедливость, городская антропология, Средняя Азия, Ташкент, загрязнение воздуха, зелёные пространства, Аральское море, постсоветский город, гражданская наука.

Аннотация: В статье анализируется проблема экологической справедливости в городах Средней Азии с социально-антропологической точки зрения. На примере Ташкента и в сравнении с Алматы, Бишкеком и регионом Приаралья (Каракалпакстан) рассматривается, как экологические блага и бремена распределяются между социальными группами и территориями постсоветского пространства. Опираясь на трёхкомпонентную модель экологической

справедливости Д. Шлосберга (распределительная, процедурная справедливость и справедливость признания), а также на концепцию возможностей, автор показывает, что загрязнение воздуха, утрату зелёных насаждений и неравный доступ к чистой среде следует рассматривать не как технические, а как структурные и политические проблемы. Делается вывод, что наследие советского планирования, постсоветская девелоперская урбанизация и слабость процедур участия порождают устойчивые формы экологического неравенства, наиболее остро проявляющиеся на периферии – как внутригородской, так и межрегиональной.

Введение. Поздней осенью 2025 г. Ташкент на короткое время возглавил мировой рейтинг загрязнения воздуха, уступив лишь Дели и Лахору: концентрация мелкодисперсных частиц PM2.5 многократно превысила рекомендации Всемирной организации здравоохранения [15; 16]. Густой жёлтый смог над трёхмиллионным городом сделал зримым то, что прежде воспринималось как фоновое неудобство. Однако за коллективным опытом «нечем дышать» скрывается менее очевидный вопрос, составляющий предмет настоящей статьи: кто именно дышит этим воздухом, кто живёт рядом с источниками загрязнения, кто имеет доступ к тени деревьев и прохладе каналов, а кто лишён всего перечисленного. Иными словами – вопрос об экологической справедливости.

Экологическая справедливость как исследовательская и активистская рамка возникла в США в 1980-е гг. в ответ на обнаружение систематической связи между размещением вредных производств, свалок и расовым и классовым составом населения [10]. С тех пор поле существенно расширилось и охватывает сегодня не только распределение загрязнения, но и неравенство в доступе к зелёным зонам, воде и городской прохладе, а также вопросы участия в принятии решений и признания уязвимых групп [11; 13]. Для социальной антропологии этот подход особенно продуктивен, поскольку смещает фокус с агрегированных показателей качества среды на живой опыт, локальное знание и повседневные практики сообществ, несущих непропорциональное экологическое бремя.

Города Средней Азии до недавнего времени оставались на периферии этой дискуссии, хотя регион представляет собой исключительно показательный случай: общее советское

градостроительное наследие, схожие климатические вызовы (засушливость, пыльные бури, экстремальная летняя жара) и одновременно расходящиеся постсоветские траектории развития образуют почти естественный сравнительный эксперимент. Цель статьи – рассмотреть экологическую справедливость в Ташкенте в сравнительной перспективе, сопоставив его с Алматы, Бишкеком и регионом Приаралья, и показать, что наблюдаемое экологическое неравенство носит структурный, а не случайный характер.

Обзор литературы. Аналитической основой исследования служит трёхкомпонентная модель экологической справедливости Д. Шлосберга [11]. В ней выделяются три взаимосвязанных измерения. Распределительная справедливость касается того, как между группами и территориями распределяются экологические блага (чистый воздух, зелень, вода) и бремена (загрязнение, шум, риски для здоровья). Процедурная справедливость относится к прозрачности и инклюзивности процессов принятия решений: кто участвует в планировании города, чьи голоса учитываются при выдаче разрешений на строительство. Наконец, справедливость признания обращает внимание на то, признаются ли вообще идентичность, ценности и само существование уязвимых сообществ [12].

Истоки этой традиции восходят к работам Р. Булларда, показавшего связь экологических рисков с расой и классом [10], и к последующей теоретической переработке, в которой Н. Фрейзер обосновала несводимость признания к одному лишь распределению [12], а Г. Уокер придал концепции пространственное измерение, связав справедливость с географией городских благ и рисков [13]. Эти измерения дополняются концепцией возможностей, согласно которой экологическое неравенство следует измерять не только объёмом загрязнения, но и тем, насколько среда позволяет людям вести достойную жизнь – сохранять здоровье, передвигаться, заботиться о близких [11; 13].

Применительно к региону особое значение имеет литература по гражданской науке и экологическому активизму в постсоветских городах. Этнографические исследования низовых движений в Алматы и Бишкеке показывают, что восприятие качества воздуха формируется поверх государственных и языковых границ – через независимый мониторинг, социальные сети и «эко-интернационализм» [14]. Этот корпус работ позволяет рассматривать экологическую справедливость не как готовое состояние, а как результат борьбы сообществ за видимость и признание.

Обсуждение и результаты. Случай Ташкента удобно рассмотреть последовательно по трём измерениям справедливости. В распределительном плане источники загрязнения воздуха в столице распределены неравномерно по территории и по социальным группам. По оценкам, приводимым со ссылкой на международные системы мониторинга, основной

вклад вносят летние пыльные бури (около 36 %), отопление на угле и мазуте в холодный сезон (около 28 %), автотранспорт (около 16 %) и промышленность (около 13 %) [16; 18]. Наиболее уязвимы жители кварталов без центрального газоснабжения, вынужденных отапливаться твёрдым топливом, а также районов вдоль магистралей и рядом с промышленными зонами. Показателен феномен «серого кольца»: вместо запланированного защитного зелёного пояса по периметру города разрослись теплицы, отапливаемые углём, которые сами стали источником дыма и пыли [19].

Процедурное измерение в ташкентском случае проявляется через дефицит участия и оценки воздействия. Критики отмечают, что значительная часть строительных проектов реализуется без обязательной экологической экспертизы, а решения о сносе зелёных зон принимаются непрозрачно [20]. Несмотря на введённый в 2019 г. мораторий, в городе было снесено около 49 тыс. деревьев, в основном застройщиками, для которых штрафы оказывались несопоставимо ниже прибыли [15]. Зелёные насаждения покрывают лишь около 3 % территории при международной норме не менее 12 % [17]. Планы удвоить ежегодный объём жилищного строительства к 2040 г. усиливают опасения экспертов: без механизмов участия рост застройки рискует воспроизводить экологическое неравенство [16].

Измерение признания и реакция государства обнаруживают двойственность. С одной стороны, кризис 2025 г. вынудил власти признать проблему и запустить масштабные программы озеленения и мониторинга [9; 21]. С другой – логика этих мер остаётся преимущественно технико-административной и нередко карательной (ночные рейды, штрафы) [22], тогда как процедурное участие жителей и признание наиболее уязвимых групп проработаны слабее. Антропологически важно, что именно низовая активность – гражданская журналистика, независимый мониторинг, публичные кампании – сделала проблему видимой и подтолкнула государство к реакции [15; 22].

Сравнение с Алматы и Бишкеком позволяет отделить общерегиональные закономерности от специфики Ташкента. Оба города, как и Ташкент, относятся к наиболее загрязнённым в зимний период в силу сходной комбинации факторов: котловинный рельеф, удерживающий смог, отопление углём, стремительная автомобилизация и постсоветское наследие [23; 24]. Однако ответы городов различаются. Алматы на протяжении ряда лет последовательно проводил транспортные реформы – развитие метро, выделенных автобусных коридоров, пешеходных зон, перевод транспорта на газ и электротягу [24], – что адресует ключевой источник загрязнения и одновременно перераспределяет городское пространство в пользу пешеходов. Бишкек при сопоставимых исходных условиях

продвинулся в реформах заметно меньше, что исследователи связывают с различиями в институциональной способности [24].

Особый интерес представляет роль гражданской науки: самостоятельная установка жителями датчиков качества воздуха бросает вызов государственной монополии на «официальное» экологическое знание и сама становится формой борьбы за процедурную справедливость и признание [14; 23]. Ташкентский случай вписывается в эту логику – и здесь именно гражданские акторы первыми перевели «невидимое» загрязнение в публичную проблему.

Случай Приаралья ставит вопрос об экологической справедливости в межрегиональном масштабе. Высыхание Аральского моря – результат советского отвода питавших его рек на орошение хлопчатника – нередко называют крупнейшей рукотворной экологической катастрофой [25]. Обнажившееся дно превратилось в источник солёно-пылевых бурь, разносящих соли и остатки пестицидов на сотни километров [26]. Последствия для автономной Республики Каракалпакстан иллюстрируют все три измерения несправедливости: десятки тысяч рыбаков лишились средств к существованию, а население несёт тяжёлое бремя болезней – эпидемию туберкулёза, высокую распространённость респираторных и онкологических заболеваний, младенческую смертность выше, чем в ряде стран Южной Азии [25; 27]. Недавнее исследование подтвердило химическую основу этих рисков: хлорорганические пестициды обнаружены во всех пробах воды региона при значительном превышении безопасных уровней минерализации [28].

Существенно, что выгоды от водоёмкого хлопководства десятилетиями извлекались в иных частях страны, тогда как экологические издержки сконцентрировались на периферии – классический случай распределительной несправедливости. Процедурное измерение и измерение признания здесь не менее показательны: на протяжении длительного времени власти стремились не выносить масштаб бедствия в публичное поле, а правозащитники, документировавшие ухудшение здоровья населения, сталкивались с давлением [25]. Невидимость каракалпакской периферии и есть отказ в признании, лежащий, по Шлосбергу и Фрейзер, в основе самых устойчивых форм несправедливости [11; 12].

Сопоставление случаев позволяет сформулировать несколько обобщений. Во-первых, экологическое неравенство в регионе воспроизводится по сходной структурной логике, в которой бремена концентрируются на периферии – внутригородской (бедные, негазифицированные, примагистральные кварталы) и межрегиональной (Приаралье). Во-

вторых, различия между городами концентрируются прежде всего в процедурном измерении: там, где существуют более согласованная политика и каналы участия, удаётся не только снизить загрязнение, но и перераспределять городские блага справедливее. В-третьих, во всех случаях ключевую роль в переводе неравенства из «невидимого» в публичное играют низовые акторы, а значит, справедливость признания не предшествует политике, а производится в ходе самой борьбы за видимость.

Заключение. Экологическая справедливость в городах Средней Азии – это не вопрос только инженерии воздуха и зелёных насаждений, а вопрос распределения, процедур и признания. Сравнение Ташкента с Алматы, Бишкеком и Приаральем показывает, что под общим советским наследием и схожими климатическими вызовами скрываются расходящиеся постсоветские траектории, в которых судьба наиболее уязвимых сообществ определяется прежде всего доступностью каналов участия и готовностью государства их признавать.

Для Ташкента это означает, что меры, предпринятые после кризиса 2025 г. (включая указ № УП-229), будут устойчивыми лишь в том случае, если технико-административная логика будет дополнена процедурной открытостью и признанием уязвимых групп. Практически перспективными представляются совместное картирование зон риска силами махаллинских комитетов, университетов и городской администрации, проекты гражданской науки на основе недорогих датчиков, гендерно-чувствительные инициативы и интеграция существующих локальных зелёных пространств в генеральные планы.

Вместе с тем следует признать, что статья опирается преимущественно на вторичные данные, а ряд наблюдений относительно локальных сообществ остаётся на уровне гипотез. Дальнейшие исследования, основанные на длительной этнографии конкретных сообществ – от негазифицированных кварталов столицы до сёл Приаралья, – позволят эмпирически проверить предложенную сравнительную схему и оценить реальный потенциал низового экологического действия в регионе.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Узбекистан «Об охране природы» от 9 декабря 1992 г. № 754-ХІІ (с изменениями и дополнениями).
2. Закон Республики Узбекистан «Об охране атмосферного воздуха» от 27 декабря 1996 г. № 353-І (с изменениями и дополнениями).
3. Постановление Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии по переходу Республики Узбекистан на “зелёную” экономику на период 2019–2030 годов» от 4 октября 2019 г. № ПП-4477.

4. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции охраны окружающей среды Республики Узбекистан до 2030 года» от 30 октября 2019 г. № УП-5863.
5. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по повышению эффективности реформ, направленных на переход на “зелёную” экономику до 2030 года» от 2 декабря 2022 г. № ПП-436.
6. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии “Узбекистан – 2030”» от 11 сентября 2023 г. № УП-158.
7. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по обеспечению экологической устойчивости путём дальнейшего повышения уровня озеленения в республике и последовательной реализации общенационального проекта “Яшил макон”» от 23 ноября 2023 г. № УП-199.
8. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об утверждении генерального плана города Ташкента на период до 2045 года» от 24 декабря 2024 г. № 880.
9. Указ Президента Республики Узбекистан «О неотложных мерах по улучшению экологической ситуации в городе Ташкенте» от 24 ноября 2025 г. № УП-229.
10. Bullard R.D. *Dumping in Dixie: Race, Class, and Environmental Quality*. – Boulder: Westview Press, 1990. – 234 p.
11. Schlosberg D. *Defining Environmental Justice: Theories, Movements, and Nature*. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 238 p.
12. Fraser N. *Scales of Justice: Reimagining Political Space in a Globalizing World*. – New York: Columbia University Press, 2009. – 222 p.
13. Walker G. *Environmental Justice: Concepts, Evidence and Politics*. – London; New York: Routledge, 2012. – 256 p.
14. Prilutskaya X. *What is in the air? Citizen Science, Eco-Internationalism, and Urban Air Pollution in Bishkek and Almaty // Environmental Movements in Central Asia*. – London: Routledge, 2023.
15. *Uzbekistan: A fast-growing Tashkent struggling with dirty air // Eurasianet*. – 2024. – URL: <https://eurasianet.org/uzbekistan-a-fast-growing-tashkent-struggling-with-dirty-air> (дата обращения: 06.06.2026).
16. *Tashkent’s Air Pollution Crisis Sparks Public Concern and Expert Warnings // The Times of Central Asia*. – 2025. – URL: <https://timesca.com/tashkents-air-pollution-crisis-sparks-public-concern-and-expert-warnings> (дата обращения: 06.06.2026).

17. Uzhydromet: Only three percent of the territory of Tashkent is covered with green spaces // Yuz.uz. – URL: <https://yuz.uz/en/news/uzgidromet-tolko-tri-protSENTa-territorii-tashkenta> (дата обращения: 06.06.2026).
18. Tashkent Launches Emergency Measures as Air Pollution Worsens // The Times of Central Asia. – 2025. – URL: <https://timesca.com/tashkent-launches-emergency-measures-as-air-pollution-worsens> (дата обращения: 06.06.2026).
19. The “grey ring” surrounding Tashkent: greenhouses are becoming an environmental threat // Zamin.uz. – 27.11.2025. – URL: <https://zamin.uz/en/society/172203> (дата обращения: 06.06.2026).
20. UNEP. Environmental Atlas of Uzbekistan and the Yashil Makon (Green Space) Initiative. – Nairobi: UNEP, 2025.
21. Central Asia takes on smog // Global Voices. – 2026. – URL: <https://globalvoices.org/2026/05/27/central-asia-takes-on-smog> (дата обращения: 06.06.2026).
22. Almaty and Bishkek Clean Air Initiative // Asian Development Bank. – URL: <https://www.adb.org/news/videos/almaty-and-bishkek-clean-air-initiative> (дата обращения: 06.06.2026).
23. People-Oriented Mobility and Urban Air Quality: The Case of Almaty’s Transport Reforms Towards an Eco-City Model // Sustainability. – 2026. – Vol. 18, No. 5. – Art. 2187.
24. Kazakhstan, Uzbekistan: Differing Approaches on Aral Sea // Eurasianet. – URL: <https://eurasianet.org/kazakhstan-uzbekistan-differing-approaches-on-aral-sea> (дата обращения: 06.06.2026).
25. The Cautionary Tale of the Aral Sea: Environmental Destruction at Economic Costs // Caspian Policy Center. – URL: <https://caspianpolicy.org> (дата обращения: 06.06.2026).
26. Uzbekistan: Focus on the Health Impact of the Aral Sea Crisis // IRIN / ReliefWeb. – URL: <https://reliefweb.int/report/uzbekistan/uzbekistan-focus-health-impact-aral-sea-crisis> (дата обращения: 06.06.2026).
27. Bartrem C., Kurbanov M.I., Keller B.D. et al. Organochlorine Pesticides and Salinity in Karakalpakstan, Uzbekistan: Environmental Health Risks Associated with the Aral Sea Crisis // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2025. – DOI: 10.3390/ijerph22111751.